

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия основана издательством
ЭКСМО в 2002 году

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

Повести. Рассказы. Дневники

Москва

2008

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)
Г 71

Оформление серии *А. Бондаренко*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ *А. Боброва, В. Маковского, В. Серова*

Горький М.
Г 71 Повести. Рассказы. Дневники / Максим Горький ; [сост., вступ. ст., коммент. П. Басинского]. — М. : Эксмо, 2009. — 800 с. — (Библиотека Всемирной Литературы).

ISBN 978-5-699-32685-3

Русский писатель Максим Горький (1868–1936) — одна из самых значительных, сложных и противоречивых фигур мировой литературы. В прозе, драматургии, мемуаристике писатель с эпическим размахом отразил социальные типы, общественные отношения, историю, быт и культуру России первой трети XX века.

В книгу вошли автобиографическая повесть «Детство», названная критиками одним из лучших произведений М. Горького, рассказы, «Заметки из дневника», а также воспоминания о Л. Толстом и Л. Андрееве.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-699-32685-3

© Составление, вступ. статья, комментарии.
П. Басинский, 2009.
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Содержание

П. Басинский
Страсти по Максиму

7

РАССКАЗЫ

27

ДЕТСТВО

Повесть

293

ЗАМЕТКИ ИЗ ДНЕВНИКА.
ВОСПОМИНАНИЯ

481

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

687

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

737

Комментарии

781

СТРАСТИ ПО МАКСИМУ

Летом 1929 года, миновав Большой и Малый Заяцкие острова Соловецкого архипелага, в Гавань Благополучия вошел пароход. Стоявшие на палубе пассажиры, среди которых большинство было в форме работников ОГПУ, любовались видом Соловецкого острова с расположенным на берегу Спасо-Преображенским монастырем, превращенным в Соловецкий Лагерь Особого Назначения, сокращенно СЛОН. Среди пассажиров обращал на себя внимание высокий, болезненной худобы старик, опиравшийся на палку. Во всей его внешности — густых моржовых усах, косматых бровях, глубоких морщинах — было что-то угрюмое и в то же время беззащитное.

В лагерной книге отзывов Горький оставит восторженную записку: «Я не в состоянии выразить свои впечатления в нескольких словах. Не хочется и стыдно было бы впасть в шаблонные похвалы изумительной энергии людей, которые, являясь зоркими и неутомимыми стражами революции, умеют, вместе с тем, быть замечательно смелыми творцами культуры».

Но одна случайная встреча расстроила его. Здесь на Соловках, среди заключенных, он увидел свою знакомую, преподавателя Петербургского университета, прямую родственницу секунданта Пушкина — Юлию Данзас. По возвращении в Москву Горький, используя личные связи в карательных органах, добился освобождения Данзас и выхлопотал ей заграничный паспорт для поездки в Берлин, якобы для того, чтобы навестить брата. Перед отъездом за границу, откуда недавняя соловецкая заключенная, конечно же, не вернулась, Данзас имела беседу с Горьким в особняке на Малой Никитской улице, расположенном рядышком с той самой церковью Вознесения, где когда-то венчался Пушкин.

Современники утверждали, что в минуты задумчивости Горький становился похож на Фридриха Ницше. Писательница Ольга Форш свидетельствовала: «Он очень похож на Ницше. И не только пугающими усами, а более прочно. Может каким-то внутренним родством, наложившим на их облики общую печать».

В начале января 1889 года в Турине Фридриха Ницше настигает окончательное безумие. Больной посылает знакомым почтовые открытки, подписываясь «Распятый». Мать с двумя сопровождающими отвозит его в психиатрическую клинику Йенского университета. Улыбаясь, как ребенок, он просит врача: «Дайте мне немножко здоровья». Потом начинаются приступы гнева. Принимает привратника больницы за Бисмарка. Разбивает стакан с водой, чтобы забаррикадировать вход в комнату осколками стекла. В состоянии безумия он проживет еще одиннадцать лет, до конца не вернувшись к связи с реальным миром.

В 1904 году Горький напечатал поэму «Человек», написанную ритмизованной прозой и символизирующей величие человеческого духа в его вечном развитии. Сквозным мотивом звучали в ней строки:

«Затерянный среди пустынь вселенной, один на маленьком куске земли, несущем с неуловимой быстротою куда-то вглубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом — зачем он существует? — он мужественно движется — вперед! и выше! — по пути к победе над всеми тайнами земли и неба...»

Он не любил мистики, но самое начало его жизненного пути было отмечено роковой печатью. В возрасте 3-х лет Алеша заболел холерой и заразил ею отца, Максима Савватеевича Пешкова, который вскоре и умер, как бы подарив сыну свою жизнь. Мать, Варвара Васильевна, не имела на мальчика никакого влияния и не любила его, считая причиной смерти обожаемого мужа. А потому, выйдя замуж второй раз, она сдала Алешу на руки бабушке и дедушке. Дед, Василий Васильевич Каширин, вопреки распространенной легенде о «босаячком» происхождении Горького, был весьма богатым и уважаемым в Нижнем Новгороде человеком, владельцем красивых мастерских и предводителем цехового сословия. Но главное влияние на мальчика оказала бабушка Акулина Ивановна. Простая и неграмотная русская женщина, песенница и сказительница, она заменила полусироте мать и напитала его необхо-

димой энергией любви. Но Каширины быстро и нелепо разорились, Варвара Васильевна умерла от скоротечной чахотки, и Алешу отправили «в люди».

«Через несколько дней после похорон матери дед сказал мне:

— Ну, Ляксей, ты — не медаль, на шее у меня — не место тебе, а иди-ка ты в люди..» («Детство»)

Всю жизнь он мучительно искал тепла, любви, сочувствия и болезненно воспринимал любое насилие над человеком. Когда пьяный отчим на его глазах избивал Варвару Васильевну, Алеша взял со стола нож и пошел с ним на отчима. «Этот нож до сих пор в душе у Горького», — писал много лет спустя в статье «Не святая Русь» Дмитрий Мережковский.

Но вместе с тем в душе Алексея росла обида. И не просто на каких-то злых людей, но на весь этот мир, который, по его мнению, устроен Богом несправедливо, несправедливо. Какая может быть справедливость в мире, где добрый, веселый и всеми любимый отец умирает от какого-то микроба? Где матери не любят своих сыновей. Где подростка выбрасывают из дома, потому что его накладно кормить.

«Мы в мир пришли, чтобы не соглашаться...» Это единственная строка, сохранившаяся от уничтоженной поэмы юного Пешкова, которую он, тогда никому не известный провинциальный автор, принес Владимиру Короленко, и был им мягко раскритикован. Впрочем, именно Короленко вывел Горького в известные писатели, напечатав рассказ «Челкаш» в самом популярном дореволюционном журнале «Русское богатство».

Но до этого измученный поиском «Бога живого» и торжества справедливости на земле «мастерской малярного цеха» (так значилось в его паспорте) Пешков возмечтал поступить в Казанский университет. «На казенный кошт» его не приняли за недостатком образования. Денег же на платное обучение не было. Пешков страстно занялся самообразованием. Среди прочего штудировал мировую философию в доступных русских переводах. Помогал ему в этом некто Николай Васильев — химик по профессии и мудрец по призванию. Впоследствии Горький напишет о нем: «Великолепно образованный он, как почти все талантливые русские люди, имел странности: ел ломти ржаного хлеба, посыпая толстым слоем хинина, смачно чмокал и убеждал меня, что хинин — весьма вкусное лакомство... Он вообще проделывал над собою какие-то небезопасные

опыты: принимал бромистый кали и вслед за тем курил опиум, отчего едва не умер в судорогах; принял сильный раствор какой-то металлической соли и тоже едва не погиб... Этими опытами Николай испортил себе все зубы, они у него позеленели и выкрошились. Он кончил все-таки тем, что — намеренно или нечаянно — отравился в 901 году в Киеве...»

Именно в обществе этого странного человека Алексей Пешков впервые прочитал «Искушение святого Антония» Флобера, а также едва ли не единственный на тот момент рукописный перевод знаменитой поэмы-трактата Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра». Вложенные в уста Заратустры слова Ницше — «Бог умер!» — не могли не запомниться будущему писателю...

Закономерным результатом этой философской «учебы» стала навязчивая мания зыбкости и враждебности окружающего мира, известная в психиатрии как маниакально-депрессивный психоз. Пешков почувствовал, что сходит с ума. Вспоминая об этом, он писал:

«Жуткие ночи переживал я. Сидишь, бывало, на Откосе, глядя в мутную даль заволжских лугов, в небо, осыпанное золотой пылью звезд, и начинаешь ждать, что вот сейчас, в ночной синеве небес, явится круглое черное пятно, как отверстие бездонного колодца, а из него высунется огненный палец и погрозит мне.

Или: по небу, сметая и гася звезды, проползет толстая серая змея в ледяной чешуе и навсегда оставит за собою непроницаемую, каменную тьму и тишину. Казалось возможным, что все звезды Млечного пути сольются в огненную реку и вот сейчас она низринется на землю. (...) Я видел Бога, это Саваоф, совершенно такой, каким его изображают на иконах и картинах...»

Видения эти он наблюдает примерно в то же время, когда Фридрих Ницше в Турине сходит с ума. Горький отделался проще... Нижегородский психиатр со свойственным врачам цинизмом заявил ему: «Прежде всего, надо забросить ко всем чертям книжки и вообще всю эту дребедень, которой вы живете! По комплекции вашей вы человек здоровый, и стыдно вам так распускать себя. Вам необходим физический труд. Насчет женщин как? Ну! это тоже не годится!»

С женщинами Горькому и везло и не везло. Первый неудачный роман с Ольгой Каминской, урожденной баронессой Гюнтер, которая